
УДК 81.23

ББК 81.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/1/96-104>

ИНВЕКТИВА КАК ВИД ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ XIX–XXI ВЕКОВ

Н. А. Сребрянская

Воронежский государственный педагогический университет

INVECTIVES AS A TYPE OF ASSESSMENT IN THE ENGLISH-LANGUAGE EDUCATIONAL DISCOURSE OF THE XIX–XXI CENTURIES

N. A. Srebryanskaya

Voronezh State Pedagogical University

Аннотация: в данной статье будет рассмотрена функция оценивания в воспитательном дискурсе (ВД), реализуемая с помощью инвективной лексики. Участники ВД, воспитатель и воспитуемый, различаются по степени презентационной активности в диалоге, и со стороны воспитуемого зачастую не следует вербальной реакции на высказывания педагога, т. е. имеет место речевой акт молчания. Это позволяет определить ВД как высказывания воспитателя в адрес воспитуемого с целью произвести на него воспитывающее воздействие. Целью данной работы является определение функционального аспекта инвектив в англоязычном воспитательном дискурсе. Объектом исследования является англоязычная инвектичная лексика. Предметом – употребление инвективной лексики в функции оценивания в ВД. В качестве материала исследования послужили тексты британской и американской художественной литературы XIX–XXI вв., где даются описания воспитательного процесса и присутствует ВД. Методы исследования включали общенаучные методы синтеза, анализа, сравнения, систематизации, классификации; и лингвистические методы: компонентный, семантический и дефиниционный, контекстуальный анализ, интерпретативный метод. Анализ материала показал, что в ВД присутствует весьма богатый набор общих и специальных инвектив в эксплицитной и имплицитной форме в функции оценивания. Педагоги в речи могут использовать прямые и косвенные оскорблении, содержащие указания на слова, действия или внешность воспитуемого. Оскорбительный характер инвективных лексем выражается в унижении, угрозах физического и психического наказания. Практически все из них употребляются с местоимением *you*, что значительно усиливает их воздействие. Несмотря на недопустимость подобного вида оценки, она активно используется в англоязычном ВД XIX–XXI вв.

Ключевые слова: воспитательный дискурс, педагогический дискурс, функция оценивания, инвектива, оскорбительная лексика, оскорбление.

Abstract: this article will consider the evaluation function of educational discourse (ED) with the use of invective vocabulary. Participants of the ED, a teacher and a foster, differ in the degree of presentation activity in the dialogue, and the pupil often does not give the verbal reaction to the statements of the teacher; i.e. the speech act of silence is present in the discourse. This allows us to determine the ED as the statements of the educator to the educated person in order to produce an educating effect on him. The aim of this work is to determine the functional aspect of the invective vocabulary in the English-language educational discourse. The object of the study is English-speaking invective vocabulary. The subject is the use of invective vocabulary in the evaluation function in the ED. The material of the study is the texts of British and American fiction of the XIX–XXI centuries, which give descriptions of the educational process and contains ED. Research methods include general scientific methods

© Сребрянская Н. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

of synthesis, analysis, comparison, systematization, classification; and linguistic methods: component, semantic, definition and contextual analyses, interpretative method. The analysis of the material showed that there is a very rich set of general and special invectives in the explicit and implicit form in the evaluation function in ED. Teachers can use direct and indirect insults with the reproach of actions or appearance of the educated person. The insulting nature of the invective lexemes is expressed in humiliation, threats of physical and mental punishment. Almost all of them are used with the pronoun YOU, which significantly enhances their impact. Despite the inadmissibility of this type of assessment, it is actively used in the English-language ED in the XIX–XXI centuries.

Key words: educational discourse, pedagogical discourse, evaluation function, invective, insulting vocabulary, insult.

Введение

Педагогический дискурс как лингвистическое явление был достаточно хорошо описан во многих работах, при этом один из его видов – воспитательный – только начинает привлекать исследователей. Те немногочисленные лингвистические работы, которые были посвящены воспитательному дискурсу (ВД), рассматривали его жанры и стили [1; 2], динамику его ценностей [3], прагматику его коммуникативной тональности [4]. В то же время ВД имеет ряд характерных особенностей, требующих пристального внимания, среди которых – его функция оценивания, не получившая до сих пор научного освещения. Эта функция будет рассмотрена в данной статье с учетом используемой в ВД пейоративной инвективной лексики для оценивания личности, действий или высказываний воспитанника, что определяет **актуальность** проведенного исследования.

ВД неразрывно связан с процессами обучения и воспитания, а они в свою очередь – с системой образования в стране в конкретный исторический период. В нашем исследовании англоязычного ВД мы не проводили его разделение на британский и американский виды, так как они имеют общие базовые характеристики, выделенные М. В. Дюжаковой:

1) исторические корни. Система образования США была создана на базе системы образования Великобритании и основана на тех же принципах. Она выросла из британской системы;

2) базовые принципы. Одним из основных принципов этих систем образования Великобритании и США является прагматизм как основная концепция образования, подразумевающего в качестве основы практико-ориентированность образования. Другими общими для обеих систем принципами являются гуманизация и демократизация образования, приоритетное направление социальных знаний и практических навыков по отношению к знаниям, определяемым как академические;

3) структура образования. В обеих системах образования обязательно имеются: дошкольное образование, начальное образование, среднее образование, школа старших классов, высшее образование, послевузовское образование;

4) интеграция всех уровней образования [5].

По мнению Т. Н. Цинкерман, модель воспитательного дискурса основана на статусно неравных отношениях между воспитывающим и воспитуемым. Участники воспитательного дискурса различаются по степени презентационной активности в диалоге. Воспитывающий исполняет ценностно-ориентированные действия по социализации, это лицо, обладающее высоким социальным статусом, властью, информацией, инициирующее коммуникацию воспитывающего типа и доминирующее в ней; воспитуемый – лицо подчиненное в социальной иерархии семьи и общества [1]. В то же время со стороны воспитуемого зачастую не следует и не ожидается вербальной реакции на высказывания педагога, т. е. имеет место речевой акт молчания. «Молчание – это сложная коммуникативная единица, которая обладает признаками знака и речевого акта, имеет коммуникативно-прагматическую структуру речевого акта. Основным свойством молчания является способность передавать некоторую (определенную) информацию в соответствующем контексте» [6, с. 8]. В связи с этим под *воспитательным дискурсом* мы понимаем высказывания воспитателя в адрес воспитуемого с целью произвести на него воспитывающее воздействие.

Целью данной работы является определение функционального аспекта инвектив в англоязычном воспитательном дискурсе. *Объектом* исследования является англоязычная инвективная лексика. *Предметом* – употребление инвективной лексики в функции оценивания в воспитательном дискурсе.

Материалы и методы исследования

Материал исследования: данное исследование проводилось на основе текстов британской и американской художественной литературы XIX–XXI вв., где даются описания воспитательного процесса и присутствует ВД. Общее количество произведений – 76.

Методы исследования включали общенаучные методы синтеза, анализа, сравнения, систематизации, классификации; и лингвистические методы: компонентный, семантический и дефиниционный, контекстуальный анализ, интерпретативный метод, а также количественный метод обработки полученных результатов.

Теоретические основы исследования воспитательного дискурса, категории оценки и инвективной лексики

Анализ ВД, проведенный Т. Н. Цинкерман, позволил установить в англоязычном ВД четыре группы коммуникативных интенций, свидетельствующих о разнообразии коммуникативного поведения взрослого участника; одна из них – оценивание [1]. Следует отметить некоторое терминологическое разнообразие в отношении оценки в педагогическом и воспитательном видах дискурса. Многие ученые в отношении негативной оценки событий или человека придерживаются термина «порицание», который может включать и другие виды негативной оценки: обвинение, упрек, укор [7–9]. Е. В. Тетерлева и В. В. Ермигина используют термин с более широким значением – «неодобрение» [10]. Негативная оценка в рамках теории речевых актов исследовалась с позиций pragmalingвистики [11], в аспекте противопоставления речевому акту похвалы [9; 12], в функциональном аспекте [13], в англоязычном диалогическом дискурсе [14], в англоязычной прозе [15].

Нет сомнения, что ВД не должен содержать инвективы. Тем не менее хорошо известно, что педагоги зачастую их используют. Инвективы являются предметом исследования с разных ракурсов: с точки зрения аксиологии [16; 17], социолингвистики [18; 19], конфликтологии [20], коммуникации [21–24], лингвоэкологии [25; 26], эмотиологии [27], концептологии [28]. Такая широта ракурсов изучения инвектив говорит о высокой степени актуальности проблемы. Данная статья посвящена изучению инвективной лексики в ВД, которая используется для «отрицательной оценки личности» воспитанника, его действий, слов, внешности и пр. Ранее инвективы не рассматривались как вид оценки и не изучались в рамках ВД, что и определяет **актуальность** данного исследования.

Дискурс, содержащий инвективы, рассматривается как деструктивный, приносящий вред здоровью, разрушающий человека и общество в целом. Ранее мы указывали на некоторые особенности инвективной лексики [25].

1. «Она динамична и развивается во времени.

2. Инвектива для адресата и адресанта эмоционально и эмотивно асимметрична.

3. Очень многие слова, не являющиеся бранными, могут стать инвективами, будучи употребленными адресативно с намерением оскорбления и в соответствующей синтаксической конструкции.

4. Оскорблении может быть преднамеренным и непреднамеренным, осознанным и неосознанным. В последнем случае можно говорить о полной асимметрии эмоций, которая может, с одной стороны, выражаться полным отсутствием таковых, с другой стороны, бурей эмоций.

5. Непреднамеренное и даже неосознанное оскорбление может иметь место в кросс-культурной коммуникации, когда говорящий не вполне знает все значения и коннотации слова, но употребляет его в своей речи с иностранными коммуникантами» [25, с. 142–143].

Инвектизы тесно связаны с оценкой: говорящий зачастую с помощью инвектизы выражает отношение и свою оценку события, явления или человека. В нашем исследуемом материале мы выявили случаи оскорблений воспитанника со стороны воспитателя, тем не менее лексика, традиционно рассматриваемая как инвективная, зачастую педагогом не употреблялась. В связи с этим необходимо обратиться к теории инвектизы и рассмотреть, какие фразы, обороты, слова могут считаться оскорбительными и какие – нет. Рассмотрим теорию оценочного значения В. И. Карасика, которая включает и теорию пейоративов и инвектизы. Ученый пишет, что оценочное значение при детальном рассмотрении часто оказывается статусно-оценочным. Отрицательная оценка понижает статус объекта оценки. В языке разграничивается отрицательное и отрицательно-оценочное значение. Первое имеет преимущественно логическую природу и моделируется в лексической семантике при помощи шкалы контрастирования, второе же является экспрессивно-эмоциональным или пейоративным значением. Тематическое распределение пейоративов – это определение того, какие пороки и недостатки выделяются у людей в англоязычном обществе. Есть слова, которые могут восприниматься как оскорблений (инвектизы), и слова описательного значения. Инвектива есть выражение речевой функции. В составе стилистически нейтральной и стилистически сниженной лексики слова могут содержать оценочный (часто эмоционально-оценочный) компонент значения. Оценка может быть положительной (мелиоративы) и отрицательной (пейоративы). Инвективные слова имеют целью оскорбить или высмеять человека посредством сравнения его с предметом, имеющим отрицательные свойства [16, с. 231–262].

Оценочная лексика очень разнообразна. Оценка может выражаться **эксплицитно** и **имплицитно**. Прямые, или эксплицитные инвектизы, обычно выражаются лексикой, называющей людей по их порокам: дурак, негодяй, хвастун, подлiza и др. Это лексика с выраженным пейоративным оценочным значением. В. И. Карасик проводит градацию пейоративов на основе их семантики [16, с. 237–262]. Пер первую группу составляют слова «общего инвективного значения тип “негодяй”, “мерзавец”, “подлец”. Их семантика является темной: мы не знаем, что именно сделал негодяй и гад, но знаем, что его действия ниже всяких моральных норм. В первую группу также входят

пейоративы со значением “ничтожество”, пустое место. При этом отрицательная оценка выносится таким людям не на основе их постыдного поступка или порочного образа жизни, а вследствие несоответствия таких людей усредненному типу человека в обществе. Общим пейоративам противопоставляются специальные слова с отрицательной оценкой. Специальные пейоративы делятся на два неравных класса: объективные и субъективные пейоративы. К первому классу относятся слова, обозначающие объективные пороки людей – глупость, лень, распущенность и т. п., ко второму классу – слова, обозначающие людей иного круга, расовые, национальные и прочие ярлыки» [16, с. 238].

В. И. Жельвис различает инвективы двух типов. «Инвектива социального типа используется как междометие при очень слабом стрессе для усиления эмоциональности высказывания, заполнения паузы и т. д. При сильном напряжении человек употребляет стрессовую инвективу, и именно такая инвектива способствует «выпусканью пара», снижая риск для психического здоровья человека. Стressовая инвектива является самой оскорбительной и максимально негативной для собеседника» [19, с. 45].

В. И. Жельвис предлагает классифицировать бранную лексику по следующим темам: 1) богохульства; 2) скатологизмы – инвективы, которые называют продукты человеческой жизнедеятельности; 3) зоовокативы и зоосравнения; 4) сексуальные инвективы – выражения, связанные с проблемами детородной функции человека или животных. Они подразделяются: а) на непосредственно сексуальные инвективы; б) обнажающие инвективы – наименования «стыдных» частей тела; в) инвективы, обвиняющие в сомнительности происхождения со значением «незаконнорожденный»; 5) тема крови в инвективном словоупотреблении; 6) инвективы, связанные с ксенофобией [19].

Г. В. Кусов представляет более детальную классификацию лексики, дающей негативную оценку языковой личности, которая в речи функционально отождествляется с иллокутивной формой описания оскорблений. Он добавляет к указанным выше инвективам: 1) использование в качестве характеристики лица обсценных, нецензурных, заниженных слов; 2) использование слов и выражений, обозначающих антиобщественную, социально вредную деятельность (вор, мошенник, проститутка, пьяница, бандит, насильник, убийца); 3) номинацию некоторых непrestижных или «жестоких», «грубых» профессий, (мясник, палач, полицай, живодер, шут); 4) использование негативно-оценочных каламбурных образований и негативных обыгрываний имен общественных деятелей; 5) использование пренебрежительной лексики идентификации лица по на-

циональному или расовому признаку; 6) отождествление с одиозными личностями современности, литературными, сказочными и мифологическими героями (Гитлер, Чикатило, Брут, Цербер, Карабас Барабас; Иуда, Мефистофель, Собакевич, Хлестаков, Манилов, Бендер); 7) использование лексики, обозначающей грехопадение, аморальное поведение с христианской точки зрения (антихрист, сатана, черт, безбожник, еретик, иезуит, ренегат); 8) использование лексики, обозначающей предметы домашнего быта и обихода (чайник, швабра, тюфяк, пугало, чучело, кошелка, тряпка, валенок); 9) использование медицинской терминологии (истеричка, дебил, психопат, олигофрен, даун, зародыш, прокаженный, дистрофик, язва, зараза, паразит, параноик, шизик); 10) использование для характеристики лица лексики, определяющей личные деловые качества человека, его умственные способности, недостатки строения тела (воротила, щеголь, мастак, дилетант; балбес, бездарь, верзила, ушастый, калека, плешивый) [28, с. 123–127].

Приведенные классификации демонстрируют большую вариативность лексики с пейоративной семантикой. Н. А. Лукьяннова объясняет это относительной стабильностью данного слоя лексики, применяемой в обиходно-бытовой среде. По количественной представленности негативная лексика «поведения» и «морально-этических качеств» человека имеет самые большие разряды слов, что объясняется их социальной значимостью, «ибо эмоционально-оценочную семантику имеют такие единицы, которые обозначают социально важные явления, представляющиеся коллективу отклонением от некоторой общественной нормы» [27, с. 22]. При этом маркируется отклонение только в одну сторону – в сторону отрицательных, с точки зрения коллектива, качеств, свойств поведения.

З. Вендлер выделил класс лексических единиц с сильным прагматическим аспектом через глаголы этикетного поведения, которые бывают двух типов: 1) scold (ругать); berate (поносить); nag (пилить); upbraid (придиরаться); 2) scoff (высмеивать); mock (дразнить); taunt, gibe (насмехаться); jeer (язвить); belittle (умалить достоинства); flatter (льстить). Такие глаголы «содержат указание на «неправильное» поведение адресата. У глаголов второй группы оно заложено глубже: употребляя эти слова, адресант пытается не только унизить, оскорбить, задеть, высмеять, но и незаслуженно обвиняет адресата в несуществующих грехах и проступках. Отметим ярко выраженные негативные коннотации этих глаголов. Такие глаголы обычно не употребляются в 1 лице, они непосредственно связаны с оскорблением, так как называют действие, осуществляющееся с помощью оскорблений» [29, с. 247].

При оскорблении осуществляется моральное воздействие на адресата в сторону желательного изменения поведения объекта. Выявлению прагматических задач оскорблений помогает «раскрытие илокативных сил при косвенных функциях оскорблений» [28, с. 30–31].

Результаты исследования

Инвективы в ВД являются очень экспрессивным видом оценки с сильным эмоциональным воздействием на воспитанника. Парадоксальным является то, что каждый воспитатель понимает недопустимость грубости и оскорблений в адрес воспитанника, но в то же время не воздерживается от использования инвектив в своей речи к воспитаннику.

Как показывает наш языковой материал, воспитатель не останавливается перед тем, чтобы оскорбить и унизить воспитанника. Встречаются инвективы общего характера по классификации В. И. Карасика, т. е. с размытой семантикой, без указания на конкретный грех или проступок человека, и специальные с указанием на конкретный недостаток или прегрешение. Анализируемый материал показывает, что в ВД присутствует весьма богатый набор общих инвектив *rascal* (негодяй), *villain* (злодей), *wretch* (негодяй), *wartmint* (шалопай) и др.

Специальные пейоративы, указывающие на конкретные недостатки, могут активно использоваться в ВД: с учетом классификации и терминологии В. И. Карасика можно констатировать, что педагоги в речи используют **прямые оскорблении**, содержащие указания на физические и умственные недостатки.

Специальные инвективы настолько многочисленны, что в значительной степени «покрывают» классификации В. И. Жельвиса и Г. В. Кусова. Анализ материала позволил выделить следующие группы инвектив:

1. Богохульства, проклятия.

«*I'd be gold darned if I'd have a lot of these danged city brats interfering with my work*» said Tutor. (Я бы был бы чертовски зол, если бы куча этих проклятых городских мальчишек вмешивалась в мою работу.) [Webster J. Dear Enemy].

«*Darned kids*» (Проклятые дети) [Bradbury R. Dandelion Wine].

«*Why the hell are you all writing...*» (Какого черта вы все пишете...) [Harris J. Blackberry Wine].

2. Скатологизмы, называющие продукты жизнедеятельности.

«*OK, duke of poop*». (герцог какашки) [Simon F. Horrid Henry's Rainy Day].

«*Cut the bullshit*». (Прекрати нести дермо! Заткнись!) [Harris J. Blackberry Wine].

«*I may be pissed, but you'll still be ugly in the morning*» – said the teacher to her sister. (Пусть меня обосрут, но утром ты все равно будешь уродиной.) [Bradbury R. Dandelion Wine].

3. Зоонимы, фитонимы, зоосравнения.

ВД содержит разнообразные зоинвективы.

One really cannot care for such a little toad as that. (жаба) [Bronte Sh. Jane Eyre].

‘*Hold her arms, Miss Abbot: she's like a mad cat.*’ (бешеная кошка) [Bronte Sh. Jane Eyre].

“*You're a hard little bitch, aren't you?*” – she said at last, pushing away her plate. (маленькая сучка) [Harris J. Five Quarters of the Orange].

4. Медицинская терминология со значением вредных, неприятных явлений в организме.

«*You festering gumboil!* (гнойный флюс). *Not a very pretty sight. What a bunch of nauseating little warts you are*» (Не очень красивое зрелище. Какая ты куча тошнотворных бородавок!) [Dahl R. Matilda].

This clot, this black-head, this foul carbuncle, this poisonous pustule that you see before you is none other than a disgusting criminal, a denizen of the underworld, a member of the Mafia! (Этот волдырь, этот прыщ, этот гнилостный карбункул, эта ядовитая пустула, которую вы видите перед собой, не кто иной, как отвратительный преступник, обитатель преступного мира, член мафии.) [Dahl R. Matilda].

При этом медицинская терминология может включать обнажающие инвективы с наименованиями «стыдных» частей тела:

‘*Get out of my way, you stupid little prick,* (глупый маленький хер)’ Simon shouted at his son. [Rowling J. K. The Casual Vacancy].

5. Инвективы, обвиняющие в сомнительности происхождения со значением «незаконнорожденный».

«*You're a bastard and a bully*». (Ты ублюдок и бандит.) [Martin George R. Game of Thrones].

6. Тема крови в инвективном словоупотреблении.

‘*Then how'd you bloody think I got here?*’ (Тогда как, черт возьми, ты думаешь, я сюда попал?) [Harris J. Blackberry Wine].

‘*Why don't you bloody listen?* (Почему ты, черт возьми, не слушаешь?) [Harris J. Blackberry Wine].

7. Номинации непrestижных профессий.

You little swinebugger (Ты мелкий свиновод!) [Dahl R. The BFG].

‘*No; you are less than a servant*’. (Ты даже ниже, чем слуга.) [Dickens Ch. Oliver Twist].

8. Слова и выражения, означающие антиобщественную, социально вредную деятельность.

‘*Theft*’ (Bop) [Golding W. Lord of the Flies].

9. Лексика, определяющая личные качества человека, его умственные способности, недостатки строения тела.

А. Избыточный вес, недостатки внешности:

«*You're talking to much! Shut up, Fatty* (жирнюк)». [Golding W. Lord of the Flies].

«*Belly flop*» (Пузатый мешок!) [Golding W. Lord of the Flies].

She's an ugly retard, just like you (умственно отсталая уродина). [Harris J. Lollipop Shoes].

Б. Низкие умственные способности:

«*Nuts!*» (Полоумный). [Golding W. Lord of the Flies].

«*You're being fools*». (Дураки вы все-таки.) [Golding W. Lord of the Flies].

«*Clohessy, you are a half-wit* (полудурок)». [Polacco P. Thank you, Mr. Falker].

В. Злобность, эгоизм:

«*There, sit down, and think over your wickedness*». (Вот сядь и подумай о своей злобности.) [Dickens Ch. Oliver Twist].

«*You have a wicked heart*». (У тебя злобное сердце.) [Bronte Sh. Jane Eyre].

«*Unfeeling, selfish girl!*» (Бесчувственная, эгоистичная девочка.) [Austin J. Sense and sensibility].

10. Использование негативно-оценочных прилагательных, адресованных конкретной личности.

‘*You're growing too fast. Boys who grow too fast become stupid and lazy*’ (глуп и ленив). [Dahl R. George's Marvellous Medicine].

Прилагательные с пейоративным значением весьма частотны и разнообразны: *hardened* (упрямая), *'troublesome, careless* (проблемный, беспечный), *the most bare-facedest* (неприкрыто наглый), *naughty* (проказливый), *unfeeling* (бесчувственный), *selfish* (эгоистичный), *foolish* (глупый), *clumsy* (неуклюзий), *numskull* (тупица), *nasty* (угрюмый), *vicious* (беспощадный), *wicked* (злобный), *stupid* (глупый). Они употребляются в сочетании с нейтральными по стилю существительными *girl, boy, child, man, temper, heart*, образуя очень экспрессивную инвективу:

Hardened girl! Nothing can correct you of your slatternly habits. (Упрямая девчонка! Ничто не может исправить тебя от твоих расхлябаных привычек.) [Bronte Sh. Jane Eyre].

No sight so sad as that of a naughty child.” (непослушное дитя). [Bronte Sh. Jane Eyre].

Unfeeling, selfish girl! (Бесчувственная, эгоистичная девочка!) [Austin J. Sense and sensibility].

“*A nasty, vicious temper*”. (Скверный, злобный нрав.) [Carroll L. Through the Looking-Glass and What Alice Found There].

Дискуссия

1. Приведенные выше классификации ученых не включают в список оскорблений фитонимы. Мы

полагаем, что фитонимы также заслуживают внимания при анализе оскорбительной, бранной лексики, например, русские *лопух, дуб, мимоза*, о чем писали ранее [25]. Наш материал исследования подтверждает это: в англоязычном ВД использовались фитонимики – *weed* (сорняк), *fungus* (гриб).

«*You fleabitten fungus!* (искусанный блохами гриб)». [Dahl R. Matilda]

Когда ребенок неправильно выполнил умножение, директриса оскорбляет его:

«*You ignorant little slug! You witless weed! You empty-headed hamster! You stupid glob of glue!*» (Ты тупой, маленький слизняк! Ты безмозглый сорняк! Ты пустоголовый хомяк! Ты глупый комок клея!) [Dahl R. Matilda].

Мы считаем, что инвективная лексика динамична и развивается во времени. Проиллюстрируем следующим примером. Дж. Голсуорси приводит ситуацию в «Саге о Форсайтах», когда Флер Форсайт подает иск в суд на основании того, что ее в частном разговоре обозвали *выскочка*. Сегодня слово *выскочка* употребляется редко и вряд ли вызовет бурную реакцию, тем более судебное разбирательство. Объяснением может быть значительное изменение критериев морали и нравственности, снижение чувствительности в отношении бранных слов и непорядочности. Н. А. Лукьянова говорит об относительной стабильности этого слоя лексики, применяемой в обиходно-бытовой среде (см. выше).

Полагаем, здесь нет противоречия, так как Н. А. Лукьянова говорит о количественной представленности и большой вариативности классов инвектив. Мы же говорим об эмоциональном воздействии некоторых лексем и снижении чувствительности в их отношении. Еще одним подтверждением может быть значительное расширение в последние годы употребления нецензурных слов, вплоть до телевидения и публичных выступлений.

Заключение

Исследование ВД выявило множественные факты использования инвективной лексики в адрес воспитуемого. Все они выполняют функцию оценки действий или слов воспитанника. Оценивая поступки воспитанника в оскорбительной форме, воспитатель может унизить ребенка, причинить ему душевную боль, воздействовать на его чувства и сознание. Подобные слова направлены на то, чтобы вызвать у адресата чувство обиды и унижения. Оценка с помощью инвектив имеет место в речи воспитателя с начала XIX в. до начала XXI в., что продемонстрировала художественная литература США и Великобритании.

Анализ англоязычной литературы XIX – начала XX в. позволяет сделать вывод, что ВД этого периода

содержит оскорблений в эксплицитной и имплицитной форме. Речь воспитателя весьма часто содержит лексемы, унижающие достоинство человека и снижающие его социальный статус. Практически все они являются негативными характеристиками личности: *wretch, villain, rascal, warmint, a fool, brute*. Кроме того, действия, поступки, слова, привычки и манеры ребенка также получают негативную оценку со стороны воспитателя: *shocking conduct, hardened girl, slatternly habits, wicked heart, your heart of stone, a naughty child, troublesome, careless child, you little brute, naughty boy etc.* Во всех случаях дается характеристика лица, выраженная в резко негативной форме при помощи стилистически сниженной лексики, при этом оскорбление достигается путем использования прямой негативной номинации субъекта или путем его заведомо ложного обвинения. Уничтожительный характер инвективных лексем выражается в унижении, угрозах физического и психического наказания. Практически все из них употребляются с местоимением *you*, что значительно усиливает их воздействие.

Действия, поступки, слова, привычки и манеры воспитуемого получают негативную оценку со стороны воспитателя и выражаются целым рядом пейоративных прилагательных: *slatternly, wicked, naughty, troublesome, careless, clumsy, numskull, murderous, ungrateful, most bare-facedest, nasty, vicious, foolish, stupid* (неряшливый, злой, непослушный, хлопотный, небрежный, неуклюжий, тупой, кровожадный, неблагодарный, самый бесстыдный, противный, порочный, дурацкий, глупый) и др. Они сочетаются с нейтральными существительными *girl, boy, child, conduct, habits, manner* (девочка, мальчик, ребенок, поведение, привычка, манера) и др., образуя оскорбительные высказывания, выражющие оценку воспитателя не только поведения и манер ребенка, но и личности в целом: *shocking conduct* (шокирующее поведение), *hardened girl* (упрямая девчонка), *slatternly habits* (неряшливые привычки), *wicked heart* (злобное сердце), *your heart of stone* (твое сердце из камня), *a naughty child* (шаловливое дитя), *troublesome, careless child* (хлопотный, беспечный ребенок), *you little brute* (ты маленькая скотина), *naughty boy* (непослушный мальчишка) и т. д.

Таким образом, инвектива – это вид оценки, т. е. языковой категории, которая демонстрирует отношение говорящего к объекту. В ВД это оценка со стороны воспитателя личности, действий или высказываний воспитуемого. Подобная оценка имеет сильное эмоциональное воздействие, вплоть до стрессового. Несмотря на ее недопустимость, она активно используется в англоязычном ВД XIX–XXI вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цинкерман Т. Н. Лингвопрагматическая специфика стилей общения в англоязычном воспитательном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 222 с.
2. Сребрянская Н. А., Уварова Е. С. Специфика стилей общения между воспитателем и воспитанником // Известия ВГПУ. 2019. № 2. С. 253–256.
3. Цинкерман Т. Н. Об опыте диахронического подхода к установлению динамики ценностей англоязычного воспитательного дискурса // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2015. № 5 (29). С. 101–108.
4. Ильинова Е. Ю., Цинкерман Т. Н. Прагматика коммуникативной тональности в стилистике англоязычного воспитывающего диалога // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 1. С. 146–158.
5. Дюжакова М. В. Образовательные системы англоязычных стран : учеб.-метод. пособие для магистрантов, обучающихся по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, направленность (профиль) «Межкультурная коммуникация: теория и практика преподавания (английский язык)». Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2021. 108 с.
6. Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре общения : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 180 с.
7. Бачурка М. С. Порицание : прагмалингвистический анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 5 (71) : в 3 ч. Ч. 3. С. 59–61.
8. Васильева Э. П. Типология речевых актов порицания в стилизованной английской разговорной речи // Прагматика форм речевого общения : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. А. И. Волокитиной. Самара : Самарский университет, 2001. С. 161–171.
9. Дьячкова И. Г. Похвала и порицание как речевые жанры (прагматический анализ) // Вестник Ом. ун-та. 1998. Вып. 3. С. 55–58.
10. Тетерлева Е. В., Ермигина В. В. Прагматические значения речевого акта неодобрения в англоязычном педагогическом дискурсе. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatische-znacheniya-rechevogo-akta-neodobreniya-v-angloyazychnom-pedagogicheskem-diskurse>
11. Бачурка М. С. Оценочные речевые акты в речи преподавателей вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. М. : Лингвокультурология, 2017. С. 8–16.
12. Бессонова И. В. Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 28 с. URL: <https://www.dissertcat.com/content/rechevye-akty-pokhvaly-i-poritsaniya-sobesednika-v-dialogicheskem-diskurse-sovremennoj-neme/read>
13. Пономарева Е. В., Тетерлева Е. В. Семантика высказываний с функцией неодобрения в современном английском языке. Пермь, 2016. 50 с. URL: https://vkr.pspu.ru/uploads/858/Ponomareva_vkr.pdf

14. Василина В. Н. Особенности речевых актов по-рицания в англоязычном диалогическом дискурсе. Минск : Белорус. гос. ун-т., 2016. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/166262/1/8-11.pdf>
15. Чжасо Юйчжэ, Павловская И. Ю. Речевой акт «упрек» в современной англоязычной прозе. СПб., 2017. 53 с. URL: <https://nauchkor.ru/pubs/rechevoy-akt-uprek-v-sovremennoy-angloyazychnoy-proze-5a6f88167966e12684ee9f1d>
16. Карасик В. И. Язык социального статуса. М. : ИТДГК ; Гнозис, 2002. 333 с.
17. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
18. Жельвис В. И. Слово и дело : юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2 : Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул : Изд-во АГУ, 2000. С. 194–206.
19. Жельвис В. И. Поле браны : сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Ладомир, 2001. 352 с.
20. Поварнин С. И. Искусство спора : о теории и практике спора. М. : Терра-Книжный клуб, 2009. 128 с.
21. Волкова Я. А. Деструктивное общение : к определению понятия // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкоzнание. 2012. № 2 (16). С. 205–209.
22. Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Коммуникативные параметры деструктивности в педагогическом дискурсе // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2022. № 4. С. 23–33.
23. Баландина Н. А. Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 192 с.
24. Власова Т. М. Оценочные иллокутивные акты, реализованные с помощью невербальных средств общения (на материале английского дискурса) // Гуманистические исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 155–161.
25. Сребрянская Н. А. Национально-культурная асимметрия инвективной лексики // Эмотивная лингво-экология в современном коммуникативном пространстве : кол. монография / под ред. В. И. Шаховского. Волгоград : Перемена, 2013. С. 141–156.
26. Сребрянская Н. А. Зоонимы в роли инвектив в англоязычной деструктивной коммуникации // Изв. Воронеж. гос. пед. ун-та. 2017. Т. 274, № 1. С. 179–182.
27. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления : проблемы семантики. Новосибирск, 1986. 192 с.
28. Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 245 с.
29. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая pragmatika. М. : Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 238–250.

REFERENCES

1. TSinkerman T. N. Lingvopragmatischeeskaya spetsifika stilej obshcheniya v angloyazychnom vospitatel'nom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2014. 222 p.
2. Srebryanskaya N. A., Uvarova E. S. Spetsifika stilej obshcheniya mezhdju vospitatelem i vospitannikom. In: *Izvestiya VGPU*. 2019. No. 2. Pp. 253–256.
3. TSinkerman T. N. Ob opyte diakhronicheskogo podkhoda k ustanovleniyu dinamiki tsennostej angloyazychnogo vospitatel'nogo diskursa. In: *Vestnik Volgograd. gos. un-ta. Ser. 2: YAzykoznanie*. 2015. No. 5 (29). Pp. 101–108.
4. Il'inova E. YU., TSinkerman T. N. Pragmatika kommunikativnoj tonal'nosti v stilistike angloyazychnogo vospityvayushhego dialoga. In: *Vestnik VolGU. Ser. 2: YAzykoznanie*. 2019. T. 18, No. 1. Pp. 146–158.
5. Dyuzhakova M. V. Obrazovatel'nye sistemy angloyazychnykh stran : uchebno-metodicheskoe posobie dlya magistrantov, obuchayushchikhsya po napravleniyu podgotovki 44.04.01 Pedagogicheskoe obrazovanie, napravленност' (profil') «Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika prepodavaniya (anglijskij yazyk)». Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2021. 108 p.
6. Melikyan S. V. Rechevoj akt molchaniya v strukture obshcheniya: dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2000. 180 p.
7. Bachurka M. S. Poritsanie: pragmalingvisticheskij analiz. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2017. No. 5 (71): v 3 ch. CH. 3. Pp. 59–61. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2017_5-3_16.pdf
8. Vasil'eva EH. P. Tipologiya rechevykh aktov poritsaniya v stilizovannoj anglijskoj razgovornoj rechi. In: *Pragmatika form rechevogo obshcheniya: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh statej*. Pod red. A. I. Volokitinoj. Samara: Samarskij universitet, 2001. Pp. 161–171.
9. D'yachkova I. G. Pokhvala i poritsanie kak rechevye zhanry (pragmaticskej analiz). In: *Vestnik Omskogo universiteta*. 1998. Vyp. 3. Pp. 55–58.
10. Teterleva E. V., Ermigina V. V. Pragmaticheskie znachenija rechevogo akta neodobreniya v angloyazychnom pedagogicheskem diskurse. 2018. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-znachenija-rechevogo-akta-neodobreniya-v-angloyazychnom-pedagogicheskem-diskurse>
11. Bachurka M. S. Otsenochnye rechevye akty v rechi prepodavatelej vuza. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Moskva: Lingvokul'turologiya, 2017. Pp. 8–16.
12. Bessonova I. V. Rechevye akty pokhvaly i poritsaniya sobesednika v dialogicheskem diskurse sovremennoj nemetskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2003. 28 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/rechevye-akty-pokhvaly-i-poritsaniya-sobesednika-v-dialogicheskem-diskurse-sovremennoj-neme/read>

13. Ponomareva E. V., Teterleva E. V. Semantika vyskazyvaniy s funktsiej neodobreniya v sovremenном anglojskom yazyke. Perm', 2016. 50 p. Available at: https://vkr.pspu.ru/uploads/858/Ponomareva_vkr.pdf
14. Vasilina V. N. Osobennosti rechevykh aktov poritsaniya v angloyazychnom dialogicheskem diskurse. Minsk : Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2016. Available at: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/166262/1/8-11.pdf>
15. CHzhao YUjchzheh, Pavlovskaya I. YU. Rechevoj akt "uprek" v sovremennoj angloyazychnoj proze. SPb., 2017. 53 p. Available at: <https://nauchkor.ru/pubs/rechevoy-akt-uprek-v-sovremennoy-angloyazychnoy-proze-5a6f88167966e12684ee9f1d>
16. Karasik V. I. YAzyk sotsial'nogo statusa. M.: IT-DGK; Gnozis, 2002. 333 p.
17. Karasik V. I. YAzykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004. 390 p.
18. ZHel'vis V. I. Slovo i delo: yuridicheskij aspekt skvernossloviya. In: *YUrislingvistika-2: Russkij yazyk v ego estestvennom i yuridicheskem bytii*. Barnaul: Izd-vo AGU, 2000. Pp. 194–206.
19. ZHel'vis V. I. Pole brani: Skvernosslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Ladorim, 2001. 352 p.
20. Povarnin S. I. Iskusstvo spora: O teorii i praktike spora. M.: Terra-Knizhnyj klub, 2009. 128 p.
21. Volkova YA. A. Destruktivnoe obshhenie: k opredeleniyu ponyatiya. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: YAzykoznanie*. 2012. No. 2 (16). Pp. 205–209.
22. Volkova YA. A., Panchenko N. N. Kommunikativnye parametry destruktivnosti v pedagogicheskem diskurse. In: *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2022. No. 4. Pp. 23–33.
23. Balandina N. A. Diskurs peregovorov v angloyazychnoj delovoj kommunikatsii: diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2004. 192 p.
24. Vlasova T. M. Otsenochnye illokutivnye akty, realizovannye s pomoshh'yu neverbal'nykh sredstv obshheniya (na materiale anglijskogo diskursa). In: *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2012. No. 1. Pp. 155–161.
25. Srebryanskaya N. A. Natsional'no-kul'turnaya assimetriya invektivnoj leksiki. In: *EHmotivnaya lingvoehkologiya v sovremenном kommunikativnom prostranstve: kollektivnaya monografiya*. Pod red. V. I. SHakhovskogo. Volgograd: Peremena, 2013. Pp. 141–156.
26. Srebryanskaya N. A. Zoonimy v roli invektiv v angloyazychnoj destruktivnoj kommunikatsii. In: *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. T. 274, No. 1. Pp. 179–182.
27. Luk'yanova N. A. EHkspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki. Novossibirsk, 1986. 192 p.
28. Kusov G. V. Oskorblenie kak illokutivnyj lingvokul'turnyj kontsept: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2004. 245 p.
29. Vendler Z. Illokutivnoe samoubijstvo. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika*. M.: Progress, 1985. Vyp. XVI. Pp. 238–250.

Воронежский государственный педагогический университет

Сребрянская Н. А., доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка

E-mail: srebryan@mail.ru

Поступила в редакцию 20 ноября 2024 г.

Принята к публикации 26 декабря 2024 г.

Для цитирования:

Сребрянская Н. А. Инвектива как вид оценки в англоязычном воспитательном дискурсе XIX–XXI веков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 1. С. 96–104. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/1/96-104>

Voronezh State Pedagogical University

Srebryanskaya N. A., Doctor of Philology, Professor of the English Department

E-mail: srebryan@mail.ru

Received: 20 November 2024

Accepted: 26 December 2024

For citation:

Srebryanskaya N. A. Invectives as a type of assessment in the English-language educational discourse of the XIX–XXI centuries. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2025. No. 1. Pp. 96–104. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/1/96-104>